

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-30-42>

УДК 008

ББК 71(2=411)+63.5(2=411)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Р. Ю. Федоров

г. Тюмень, Россия

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ИХ РЕФЛЕКСИЯ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Исследование выполнено по госзаданию в рамках программы НИР
(проект 121041600045-8)

Аннотация: Рассмотрены особенности рефлексии в нарративных источниках (документальная проза, этнографические описания, архивные документы, устные истории) стратегий адаптации земледелия у белорусских крестьян, переселившихся на территорию Сибири в конце XIX – начале XX вв. С позиций микроисторического подхода и антропологии знаний исследованы механизмы культурных коммуникаций и репрезентации практических навыков, которые оказывали влияние на адаптацию переселенцев. Установлено, что после переселения в Сибирь белорусским крестьянам было необходимо выработать компромисс между тремя основными стратегиями экологического поведения. Первая из них заключалась в попытке адаптировать на новом месте тот багаж экологических знаний, который сложился на их родине, опираясь на межпоколенную трансляцию этнических традиций. Вторая модель состояла в заимствовании адаптационного опыта у местного старожильского населения. Третья модель подразумевала активное освоение исходивших от государства инноваций и регламентов хозяйственной деятельности, которые возникли в процессе модернизации экономики России, начавшейся в эпоху капитализма. Все эти три адаптационные стратегии в условиях ограниченности возможностей реализации каждой из них по отдельности, в той или иной степени оказали влияние на общие процессы адаптации культуры земледелия у белорусских переселенцев в Сибири, во многих случаях дополняя друг друга.

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, крестьянские переселения, экологическая адаптация, культура земледелия, нарративные источники.

Информация об авторе: Роман Юрьевич Федоров — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Малыгина, д. 86, 625026 г. Тюмень, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.09.2021

Дата одобрения рецензентами: 12.12.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Федоров Р. Ю. Стратегии адаптации культуры земледелия у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и их рефлексий в нарративных источниках // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 30–42.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-30-42>

Введение

Крестьянские переселения в Сибирь конца XIX – начала XX вв. привели к масштабным преобразованиям природной среды осваиваемых территорий. В то же время аграрные миграции можно рассматривать в качестве уникального адаптационного эксперимента, который актуализировал обширный опыт «адаптации переселенцев к новой природно-географической среде в сжатые сроки при отсутствии продуктивной практики функционирования в ней» [12, с. 157]. Социально-экономические последствия крестьянских переселений в Сибирь получили глубокую и разностороннюю разработку в отечественной историографии. Несмотря на это, на протяжении длительного времени они оставались значительно менее изученными с точки зрения этнографических и культурологических подходов. Лишь начиная с 1990-х гг. эти подходы к изучению крестьянских переселений получили свою последовательную разработку в публикациях ряда сибирских этнологов [3; 8; 9; 12; 14; 16; 17] и др. Несмотря на то что за последние десятилетия многие пробелы в изучении адаптации крестьян-переселенцев были восполнены, на сегодняшний день не до конца осмысленными остаются механизмы культурных коммуникаций и репрезентации знаний, которые оказывали влияние на выработку адаптационных стратегий. В данной статье предпринята попытка рассмотреть эти аспекты на примере переселившихся в конце XIX – начале XX вв. в Сибирь белорусских крестьян. В качестве эмпирической основы исследования выступили нарративные источники, которые отражают примеры актуализации стратегий адаптации культуры земледелия у белорусских переселенцев в Сибири. В число рассмотренных источников входят документальная проза, этнографические описания, архивные документы, а также устные истории потомков переселенцев, зафиксированные автором в период с 2009 по 2021 гг. на территории Тюменской, Омской и Иркутской областей, а также Красноярского края. Все эти источники интерпретировались с позиций микроисторического подхода, дающего возможность реконструировать по персональным или локальным бытовым нарративам стратегии и механизмы экологической адаптации переселенцев. В нашем исследовании эти стратегии были рассмотрены в двух основных исследовательских ракурсах. В первом из них, с позиций сформулированной Ф. Бартом антропологии знаний, были исследованы традиционные и инновационные элементы в экологических знаниях переселенцев [19]. Второй исследовательский ракурс включал в себя изучение принципов культурных коммуникаций, через которые осуществлялась трансляция этих знаний. В их числе были рассмотрены сформулированные М. Мид концепции постфигуративной (межпоколенная трансляция этнических традиций и практических знаний) и конфигуративной (осуществление заимствований у нового этнического окружения) культуры [10].

После переселения в Сибирь белорусским крестьянам было необходимо выработать компромисс между тремя основными стратегиями экологического поведения. Первая из них заключалась в попытке адаптировать на новом месте тот багаж эко-

гических знаний, который сложился на их родине, опираясь на межпоколенную трансляцию этнических традиций. Вторая модель состояла в заимствовании адаптационного опыта у местного старожильческого населения. Третья модель подразумевала активное освоение исходивших от государства инноваций и регламентов хозяйственной деятельности, которые возникли в процессе модернизации экономики России. Рассмотрим подробнее примеры реализации этих стратегий и их роль в экологической адаптации крестьянства Сибири на примере белорусских переселенцев.

Рефлексия попыток воспроизведения исходного экологического опыта переселенцев

На момент крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. у сельских жителей Белоруссии сложился устойчивый комплекс традиционной хозяйственной деятельности, основу которого составляло полеводство и тесно связанное с ним животноводство [11, с. 10]. Подавляющее большинство белорусских крестьян проживало на своей родине в лесистой местности. В ходе реализации переселенческой политики государство по возможности старалось придерживаться политики водворения крестьян в схожие с местами их выхода природные зоны. К примеру, в «Справочной книжке для ходоков и переселенцев за 1909 год» в описании условий водворения крестьян на территорию Енисейской губернии отмечалось: «Переселенческие участки в этой губернии таежные и отдалены от центров. Первоначальное устройство переселенцев сопряжено с большой затратой труда по расчистке земли под пашню. Устраиваться здесь, конечно, могут выходцы из лесных губерний» [13, с. 40].

На момент переселений среди систем земледелия у белорусских крестьян доминировало трехполье. Наряду с ним с конца XIX в. в отдельных хозяйствах начало внедряться многополье [11, с. 10]. В восточной части Белоруссии продолжала практиковаться обработка лесных участков под пашню в виде подсечного, «лядного» полеводства [15, с. 12]. Этот опыт оказался востребованным при расчистке переселенцами тайги под пашни. В письменных источниках и рассказах потомков переселенцев сохранилось описание ее нескольких типичных приемов. Первым из них было «черчение леса». В соответствии с этим способом нижнюю часть деревьев затесывали топором, в результате чего они засыхали. «Счерченный лес» сгнивал через 5–7 лет, либо сжигался на следующий год. В соответствии с другим, более примитивным способом, называемым «палом», «лес попросту сжигают, поэтому нисколько не заботятся о приостановлении пожара, так что летом тарский урман горит ежедневно в разных местах» [4, с. 372]. Для расчистки леса также часто применялся более трудоемкий способ корчевания. При наличии выбора переселенцы стремились расчищать под пашни березовые леса: «Где береза растет, там земля хорошая, потому что там много тысяч лет листья падали и получается чернозем. А где сосна, листвяк, там чернозема нет. Эту землю не разрабатывали» (полевые материалы автора (далее — ПМА), 2017, д. Орешное Манского р-на Красноярского края, мужчина, 1935 г.р.).

В начале XX в., ввиду нехватки земель, переселенческие участки все чаще могли образовываться в местах, которые не всегда были благоприятны для сложившихся на родине переселенцев приемов возделывания земли. Исходя из этого, трехпольная система земледелия у белорусских переселенцев в Сибири нередко претерпевала трансформации и имела свои локальные особенности. К примеру, по зафиксированным нами устным воспоминаниям, в ряде уездов Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний

у переселенцев стала преобладать двупольная паровая система земледелия, при которой посевы озимой ржи чередовались с паром без выращивания яровых культур и кормовых трав.

Для белорусских переселенцев основным критериями пригодности заселяемых районов являлась возможность выращивать на них такие критически важные для их жизнеобеспечения сельскохозяйственные и огородные культуры, как рожь, овес, картофель и капуста. Из технических культур важное место занимал лен, из которого белорусы делали одежду, а также конопля, которую выращивали для получения масла и изготовления грубых тканей, используемых в хозяйственных целях. Из огородных культур, помимо картофеля и капусты, широкое распространение имели огурцы, горох, репа, тыква, свекла, морковь и лук.

Климатические условия некоторых переселенческих участков оказывались неблагоприятными для выращивания отдельных, типичных для Белоруссии сельскохозяйственных культур. К примеру, в ряде деревень, основанных белорусами на территории Братского р-на Иркутской обл. вымерзали посевы льна. Эта ситуация вынудила переселенцев отказаться от льноводства, что способствовало достаточно быстрому переходу на виды одежды, которые были характерны для местного старожильского населения. По сравнению с широко распространенной у белорусов рожью, посевы пшеницы в ряде обследованных нами деревень первоначально отсутствовали либо занимали второстепенное место.

А. Н. Букейханов приводит цифры, характеризующие распределение посевов сельскохозяйственных культур у белорусских переселенцев в 1907 г., проживавших в урманной местности в Атирской и Седельниковской волостях Тарского уезда Тобольской губернии. В соответствии с ними, 38,8% посевов составлял картофель, 21% — рожь, следующее место занимал овес, по которому не были приведены точные цифры, после него шел ячмень (10%). Посевы пшеницы в первые годы занимали 9,6%, однако автор отмечал, что впоследствии переселенцы отказались от ее выращивания ввиду неподходящих природно-климатических условий. Горох, лен, гречиха, клевер, конопля и просо составляли 4,5% от всего посева [4, с. 371]. На обширной территории Сибири подобные показатели могли существенно варьировать, однако, в целом, приведенная статистика иллюстрирует достаточно типичную картину для многих районов таежной и лесостепной зоны, в которых белорусские переселенцы обустроивали свое хозяйство. В ней отчетливо прослеживается роль ржи в качестве основополагающей сельскохозяйственной культуры. Эту тенденцию потомки белорусских переселенцев объясняли следующей ситуацией: «В Белоруссии выращивали рожь, потому что там болото тоже. А на болоте плохие земли. А самый хороший урожай дает рожь. В то время озимую пшеницу не знали. А здесь в основном питались рожью по двум причинам. Во-первых — рожь можно посеять и 15 августа, а можно и 15 сентября, всегда есть большой разбег для подготовки земли. Второе — она была холодолюбивой культурой, весной чуть солнышко пригрело и снег сошел, и она за счет того, что с осени сформировала корневую систему, моментально начинала расти, потому что влаги было более чем достаточно даже при бедной земле. Примерно с 1 августа (иногда чуть раньше, иногда чуть позже), люди начинали потихоньку жать. А жали серпом. Серпом можно 10 соток в день выжать, кто-то меньше, кто-то больше. Надо было много времени, чтобы сжать все это. А если пшеницу посеять, она раньше 10–15 сентября не созреет, а к 1 октября начинаются ночные заморозки» (ПМА, 2021 г., д. Спириха Викуловского р-на Тюменской обл., мужчина, 1948 г.р.).

Следует отметить, что в зафиксированных нами рассказах информаторов часто встречались примеры большого значения для переселенцев ряда несельскохозяйственных растительных ресурсов. К примеру, для выходцев из Могилевской губернии, переселившихся на территорию Викуловского р-на Тюменской обл., важным фактором, делавшим привлекательным эту местность для переселения являлось произрастание на ее территории лип, лыко которых использовалось для изготовления лаптей: «Причина отъезда — малоземелье. Земли для того, чтобы прокормить семью, было мало. Лыка было мало лапти плести, а мои предки занимались этим ремеслом» (ПМА, 2009 г., д. Осинка Викуловского р-на Тюменской обл., женщина, 1928 г.р.). И, наоборот, в ряде других обследованных нами районов отсутствие лип воспринималось белорусскими переселенцами в качестве неудобства, ввиду которого они были вынуждены изготавливать лапти из лозы или бересты, либо перенимать те виды обуви, которые имели распространение у представителей их нового этнического окружения. Некоторыми белорусскими переселенцами, проживавшими на территории того же Викуловского района, невозможность выращивать некоторые виды садовых деревьев воспринималась в качестве существенного недостатка нового места. Так, по воспоминаниям потомка переселенцев — Елены Леонидовны Новиковой, ее бабушка, один из основателей д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл., хотел вернуться на родину ввиду того, что в Сибири не росли яблони (ПМА, 2017 г.). Однако, наряду с подобными ситуациями, в собранных нами этнографических материалах нередко встречались рассказы об успешных примерах выращивания переселенцами тех видов деревьев, которые ранее не имели распространения в Сибири. К примеру, в книге краеведа А. П. Дашкевича описан случай, когда лесничий из не существующей ныне д. Красный Яр Тарского р-на Омской области, основанной переселенцами из Могилевской губернии — Григорий Семенович Мигаль, вырастил у себя во дворе из привезенного с родины саженца дуб: «Из Белоруссии Мигали привезли саженцы яблони и дуба. Яблоня постоянно подмерзала, а вот дуб вырос, и каждый год на нем висели желуди. Все прохожие мимо дома Григория Семеновича любовались необычными листьями и желудями. В 1955 году в газете “Омская правда” была опубликована статья, в которой говорилось, что в глухой лесной деревне Красный Яр растет единственный в Сибири дуб. В том же году Григорий Семенович, чтобы платить меньше налога, передвинул изгородь своего участка, и дуб оказался неогороженным. Свиньи, поедая желуди, подрыли корни, и дерево засохло» [5, с. 14]. Примечательно, что в подобных краеведческих текстах такие случаи часто трактовались в качестве уникальных, не имевших аналогов примеров. Однако материалы, собранные на территории других районов Омской обл. и сопредельных с ней регионов, свидетельствуют о том, что подобные ситуации происходили периодически, но чаще всего они оставались малоизвестными за пределами определенных населенных пунктов или районов. Несмотря на приведенный выше пример, большинство переселенцев предпочитало высаживать перед домом или на участке деревья и кустарники, которые были хорошо приспособлены к местным природно-климатическим условиям.

В целом, для экологической адаптации первого поколения белорусских крестьян-переселенцев было характерным стремление перенести на осваиваемые территории те принципы жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности, которые сложились на их родине. Однако подобная стратегия далеко не всегда имела успех ввиду таких различий с природно-климатическими условиями родины переселенцев, как более короткий вегетационный период, другие режимы влажности, ранние заморозки и резкие колебания температур, которые в той или иной степени были характерны для континентального климата Сибири.

Рефлексия заимствований экологического опыта у русского старожильского населения

В Сибири в качестве нового этнического окружения белорусских переселенцев чаще всего выступали представители русского старожильского населения. В конце XIX – начале XX вв. принципы землепользования и сельского хозяйства у старожилов и переселенцев имели ряд различий. Так, благодаря обширности угодий и распроданной практике вольного захвата земель, значительная часть старожилов отказалась от трехполья в пользу переложной или залежно-паровой систем земледелия [2, с. 134–137]. Переселенцы, страдавшие на своей родине от малоземелья и получающие в Сибири регламентированные государством наделы, чаще ориентировались на привнесенные с их родины интенсивные формы земледелия. С точки зрения жителей аграрных регионов европейской части Российской империи, многие земледельческие приемы, характерные для русских старожилов Сибири, нередко выглядели малоэффективными. Несмотря на это, у старожильского населения к тому времени сложился адаптационный опыт, который давал возможность максимально учесть специфику местных природно-климатических условий. Современники отмечали, что, проживая в окружении старожилов, белорусские переселенцы нередко начинали осуществлять у них заимствования приемов земледелия. Вот, например, как описывал этот процесс писатель и публицист Н. Е. Каронин-Петропавловский на примере переселенцев из Витебской губернии, проживавших на территории современного Ишимского р-на Тюменской обл.: «В земледельческих приемах новоселы также сначала держались того, что они вынесли из России; иногда пытались унавоживать поля, переворачивать сено, пахать настоящим плугом залежи и сохой возделанные земли, но скоро бросили все это, приглядывались к старожилам и, наконец, все делали так, как они» [6, с. 262]. Часто упоминаемый в разных источниках отказ белорусских переселенцев от унавоживания полей мог быть связан с падением эффективности этого приема в условиях Сибири, которое было обусловлено такими факторами, как переход в ряде районов от стойлового к выпасному содержанию скота, его длительное нахождение на холоде, недостаток или низкое качества кормов [12, с. 170].

Среди типичных заимствований у старожилов белорусскими переселенцами отмечался переход к сложившемуся у них календарю сельскохозяйственных работ, использованию имевших у них распространение более пригодных для местных почв орудий земледелия, в некоторых случаях — увеличение доли экстенсивных форм землепользования. При этом благодаря разнообразию природно-климатических условий разных регионов Сибири и вариативности принципов природопользования ее русского старожильского населения характер этих заимствований имел ряд локальных особенностей.

Важно отметить, что адаптационные возможности стратегии заимствования белорусскими переселенцами земледельческого опыта старожилов были весьма ограничены. Эта ситуация была связана с тем, что во многих заселяемых переселенцами районах в культуре жизнеобеспечения старожилов преобладал акцент на промысловые виды хозяйственной деятельности (охота, рыбная ловля, собирательство), тогда как среди белорусов земледелие играло первостепенную роль.

Рефлексия государственного регулирования земледелия

Крестьянские переселения конца XIX – начала XX вв. сопровождались государственной политикой, направленной на модернизацию хозяйственного уклада заселяе-

мых территорий. Потребность в ней в первую очередь была обусловлена необходимостью интегрировать сельское хозяйство в новую для России капиталистическую модель экономики. Основными направлениями государственной поддержки переселенцев стала просветительская деятельность и агрономическая помощь, предоставление ссудных выплат и помощи в приобретении сельскохозяйственного инвентаря.

После создания в 1896 г. Переселенческого управления началось активное воплощение в жизнь просветительских мер, направленных на внедрение в хозяйственной жизни крестьян-переселенцев рациональных стандартов растениеводства и землепользования. Наиболее активное развитие сельскохозяйственное образование получило в период аграрной реформы П. А. Столыпина. К примеру, в 1910–1911 гг., приступая к мероприятиям по развитию культуры кормовых растений, Департамент земледелия, помимо расширения материальной помощи местным общественным учреждениям уделил большое внимание проведению на базе земских агрономических организаций бесед, курсов, раздачи популярной литературы, устройству показательных участков, демонстрации работы усовершенствованных орудий труда. В круг этих просветительских мероприятий входило распространение навыков современных приемов интенсификации земледелия, применения удобрений и сельскохозяйственных орудий промышленного производства, средств защиты растений от вредителей, способов сохранения и переработки сельхозпродукции и т. д. (Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И185. Оп. 1. Д. 232). Этот период ознаменовался выпуском печатных изданий, которые информировали крестьян об организационных аспектах переселений, наличии свободных участков, природно-климатических условиях заселяемых районов, а также ряде практических навыков, необходимых в процессе обустройства на новом месте. Развитие аграрного просвещения среди переселенцев стало возможным благодаря повышению грамотности у крестьянства. Несмотря на это, печатные издания тех лет так и не смогли охватить подавляющую часть крестьян, переселявшихся в Сибирь. Так, по результатам опроса, произведенного в 1907 г. в Черниговской губернии, давшей значительную часть украинских и белорусских переселенцев, в решении переехать в Сибирь лишь 17% крестьян руководствовались сведениями, опубликованными в печатных изданиях. Остальные ориентировались на устные описания, полученные от родственников или односельчан [18, с. 74]. Следует отметить также незначительность охвата сельскохозяйственным образованием большинства регионов Сибири [2, с. 179–183]. В сложившейся ситуации важную роль посредников между государством и переселенцами выполняли чиновники земств и местных отделений Переселенческого управления, курировавшие заселение и обустройство отводимых крестьянам участков.

Помимо просветительских мер, в институциональном регулировании хозяйственной деятельности переселенцев значительное место занимала законодательная регламентация ряда земледельческих работ. Как отмечают исследователи, в Сибири, вплоть до начала XX в., «специфические предписания обычного права были направлены на строгое соблюдение сроков охоты, рыболовства и собирательства, приуроченных к датам народного православного календаря» [9, с. 36]. Принципы обычного права во многих районах Сибири также применялись к использованию лесов, находившихся в общинном владении. В период столыпинской реформы все чаще внедрялось государственное регламентирование сроков многих земледельческих и заготовительных работ, которые ранее у переселенцев были приурочены к их народному календарю (Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И185. Оп. 1. Д. 232. Л. 200).

Важной формой поддержки государством переселявшихся в Сибирь крестьян являлось создание опытных полей и селекционных станций. К примеру, по воспоминаниям потомков белорусских переселенцев, в начале XX в. Тулунская селекционная станция стала важным источником для приобретения проживавшими в Среднем Приангарье крестьянами адаптированных к условиям Сибири сортов озимых и яровых сельскохозяйственных культур (ПМА, 2021 г., д. Андриюшино Куйтунского р-на Иркутской обл., женщина, 1957 г.р.).

Еще одной формой влияния государства на модернизацию культуры земледелия переселенцев являлись меры, стимулирующие приобретение ими современного сельскохозяйственного инвентаря. Отправляясь в Сибирь, многие белорусские крестьяне везли со своей родины традиционные для них орудия земледелия, однако процесс переселения нередко способствовал приобретению современного сельхозинвентаря заводского производства. К примеру, в документальном романе «За долей» писателя Виталия Кирпиченко, переселенцы, прибывшие в период с 1905 по 1909 г. из Могилевской и Гродненской губерний на отведенные им участки, расположенные на территории современного Баяндаевского р-на Иркутской обл., решили отказаться от обработки земли сохой, приобретя плуг заводского производства [7, с. 77].

Таким образом, несмотря на отмечаемую исследователями тенденцию к инертности и консерватизму в хозяйственной адаптации белорусских переселенцев [1, с. 17], в годы столыпинской реформы их значительная часть в той или иной мере оказалась восприимчивой к инновациям, исходившим от государства. При этом основным мотивом интенсификации и модернизации принципов земледелия у переселенцев выступала необходимость в кратчайший срок обустроить свое хозяйство на новом месте. В то же время следует отметить, что меры государства по модернизации хозяйственного уклада переселенцев имели ограниченные сферы применения как ввиду их недостаточного охвата, так и потому, что они не могли полностью вытеснить ориентированность крестьян на проверенные практикой и опытом предков приемы земледелия. Эту ситуацию красноречиво иллюстрируют слова одного из потомков белорусских переселенцев: «Доверие у крестьян к государству было. Они раньше верили грамотным людям. Но как этот совет превратить в то орудие, которое бы крестьянину помогло?» (ПМА, 2021 г., д. Спириха Викуловского р-на Тюменской обл., мужчина, 1948 г.р.).

Заключение

Анализ нарративных источников указывает на то, что все три рассмотренные выше адаптационные стратегии в условиях ограниченности возможностей реализации каждой из них по отдельности в той или иной мере оказали влияние на общие процессы адаптации культуры земледелия у белорусских переселенцев в Сибири, нередко взаимно дополняя друг друга.

Для белорусских крестьян естественным было стремление воспроизвести на новом месте сложившиеся на их родине особенности сельского хозяйства. Как правило, оно опиралось на существовавшие в отдельных семьях принципы межпоколенной трансляции этнических традиций, которые в целом можно сопоставить с принципами постфигуративной культуры, предложенной М. Мид. Однако в Сибири локальные природно-климатические условия нередко выступали в роли своеобразного фильтра, который не позволил реализовать все привычные для переселенцев приемы земледелия, опирающиеся на экологические знания, привнесенные с родины. В этой ситуа-

ции белорусские крестьяне были вынуждены вести поиск новых, более подходящих для местных условий принципов хозяйственной деятельности, которые могли бы компенсировать неудачи в реализации исходных моделей природопользования. Нередко подобные адаптационные процессы выражались в заимствованиях у местного старожильского населения. Стремление к ним больше всего проявлялось у представителей второго поколения переселенцев, и было сопоставимо с принципами конфигуративной культуры, в которой практические знания чаще передаются не от представителей старших поколений, а от нового этнического окружения. Однако адаптационные возможности стратегии заимствования переселенцами земледельческого опыта старожилов были весьма ограниченными. Эта ситуация была связана с тем, что во многих заселяемых выходцами из Белоруссии районах в культуре жизнеобеспечения русских старожилов преобладал акцент на промысловые виды хозяйственной деятельности, тогда как среди белорусов земледелие играло первостепенную роль.

Еще одним немаловажным фактором, оказывавшим влияние на трансформации хозяйственной деятельности переселенцев, являлись государственные меры по модернизации крестьянского хозяйства. С точки зрения культурных коммуникаций, они имели ряд новшеств, которые ранее еще никогда не были реализованы в крестьянской среде России. Первым из них было активное использование просветительских мер, включавших распространение печатных изданий, которые содержали практические рекомендации по модернизации и адаптации хозяйственного уклада крестьян к новым условиям. Вторым новшеством выступала законодательная регламентация отдельных видов природопользования, которые ранее регулировались традиционными нормами обычного права или народным земледельческим календарем. Третьим немаловажным новшеством являлось появление института посредников между государством и крестьянами в виде чиновников Переселенческого управления, агрономов и т. д., в задачи которых входило внедрение определенных практических навыков и знаний.

Несмотря на принятие переселенцами ряда новшеств, исходивших от государства, они не смогли полностью вытеснить из их жизни стихийные формы адаптации. Эта ситуация во многом была связана со складывавшейся веками у крестьян мировоззренческой установкой, в соответствии с которой они больше привыкли опираться на личный практический опыт и знания, получаемые от предков, нежели на формальные инструкции и письменные рекомендации, которые были нередко вырваны из локального бытового контекста.

В заключение следует отметить, что все эти стратегии, а также определявшие их формы культурных коммуникаций и репрезентации знаний играли решающую роль в адаптации белорусских переселенцев в Сибири на протяжении конца XIX – первой трети XX вв. Начиная с 1930-х гг., на фоне окончательной ликвидации индивидуальных форм сельского хозяйства и создания колхозов и совхозов, наблюдалась тенденция к унификации приемов земледелия, однако в личном приусадебном хозяйстве многих потомков белорусских переселенцев еще долгое время можно было проследить отголоски стратегий адаптации, которые были заложены в рассмотренный нами период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Арсеньев В. К., Титов Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 84 с.
- 2 Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 267 с.

- 3 *Бережнова М. Л.* Первые шаги на новой родине: новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3 (64). С. 32–36.
- 4 *Букейханов А. Н.* Переселенцы в Тарских урманах // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 30. Белорусы в Сибири: в 2 т. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. Т. 2. С. 368–382.
- 5 *Дашкевич А. П.* Рассказы. Омск: ООО полиграф. центр «Татьяна», 2016. 52 с.
- 6 *Каронин С. (Перопавловский Н. Е.).* По Ишиму и Тоболу // Ишим и литература. Век XIX. Ишим: Ишимский гос. пед. ин-т им. П. П. Ершова, 2004. С. 261–162.
- 7 *Киртиченко В. Я.* За долей. Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018. 416 с.
- 8 *Коровушкин Д. Г.* Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2006. 200 с.
- 9 *Любимова Г. В.* Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2012. 208 с.
- 10 *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
- 11 *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов. Минск: Наука и техника, 1968. 232 с.
- 12 *Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, жизнеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: АЗБУКА, 2013. 348 с.
- 13 *Справочная книжка для ходоков и переселенцев за 1909 год.* СПб.: Переселенческое управление, 1909. 112 с.
- 14 *Фурсова Е. Ф.* и др. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2011. 424 с.
- 15 *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 3. 535 с.
- 16 *Шелегина О. Н.* Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 116–125.
- 17 *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: Благовещенский пед. ун-т, 2008. 526 с.
- 18 *Чуркин М. К.* О соотношении экономических и психологических причин в принятии решений о переселении в Сибирь крестьян европейской России в пореформенный период // Проблемы историографии и истории Сибири. Омск: Омский технический ин-т, 2002. С. 74–79.
- 19 *Bart F.* An Anthropology of Knowledge // Current Anthropology. 2002. Vol. 43, № 1. P. 1–18.

***

© 2022. Roman Yu. Fedorov
Tyumen, Russia

**STRATEGIES FOR ADAPTING THE AGRICULTURE
AMONG BELARUSIAN PEASANT-MIGRANTS IN SIBERIA
AND THEIR REFLECTION IN NARRATIVE SOURCES**

Acknowledgements: This research is funded by the state task no. 121041600045-8.

Abstract: The study examines features of reflection in narrative sources (documentary prose, ethnographic descriptions, archival documents, oral histories) of strategies for adapting agriculture among Belarusian peasants who moved to the territory of Siberia in the late 19th – early 20th centuries. In terms of the micro-historic approach and anthropology of knowledge, it explored mechanisms of cultural communications and representation of practical skills that influenced the adaptation of migrants. It highlights three main strategies. The first was an attempt to reproduce the original features of agriculture introduced from their homeland by intergenerational transfer of ethnic traditions. The second strategy was to borrow environmental experience from the local old-settlers of Siberia. The third one implied the active involvement of innovations and regulations of economic activity emanating from the state, which arose in the process of modernization of the Russian economy which began in the capitalism era. The author concluded that all three adaptation strategies, due to the limited possibilities for each of them to be applied separately, to one extent or another influenced the general processes of adapting the agriculture among Belarusian migrants in Siberia, often supplementing each other.

Keywords: Belarusians, Siberia, Peasant Migrations, Ecological Adaptation, Agriculture Culture, Narrative Sources.

Information about the author: Roman Yu. Fedorov — DSc in History, Director of Research, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St., 86, 625026 Tyumen, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Received: September 07, 2021

Approved after reviewing: December 12, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Fedorov R. Yu. Strategies for Adapting the Agriculture among Belarusian Peasant-Migrants in Siberia and their Reflection in Narrative Sources. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 30–42. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-30-42>

REFERENCES

- 1 Arsen'ev V. K., Titov E. I. *Byt i kharakter narodnostei Dal'nevostochnogo kraia* [Life and Character of the Nationalities of the Far Eastern Territory]. Khabarovsk, Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1928. 84 p. (In Russian)
- 2 Asalkhanov I. A. *Sel'skoe khoziaistvo Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.* [Agriculture of Siberia of the Late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 267 p. (In Russian)

- 3 Berezhnova M. L. Pervye shagi na novoi rodine: novye modeli prirodopol'zovaniia belorusskikh pereselentsev v urmane [First Steps in the New Homeland: New Models of Environmental Management of Belarusian Migrants in Urman]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no 4–3 (64), pp. 32–36. (In Russian)
- 4 Bukeikhanov A. N. Pereselentsy v Tarskikh urmanakh [Migrants in the Tara Urmans]. In: *Tobol'sk i vsia Sibir'. Kn. 30. Belorusy v Sibiri: v 2 t.* [Tobolsk and all Siberia. Book 30. Belarusians in Siberia: in 2 Vols.]. Tobol'sk, TROBF “Vozrozhdenie Tobol'ska” Publ., 2019, vol. 2, pp. 368–382. (In Russian)
- 5 Dashkevich A. P. *Rasskazy* [Stories]. Omsk, OOO poligraficheskii tsentr “Tat'iana” Publ., 2016. 52 p. (In Russian)
- 6 Karonin S. (Peropavlovskii N. E.). Po Ishimu i Tobolu [By Ishim and Tobol]. In: *Ishim i literatura. Vek XIX* [Ishim and Russian Literature: 20th century]. Ishim, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute Publ., 2004, pp. 261–162. (In Russian)
- 7 Kirpichenko V. Ia. *Za dolei* [Looking For Fate]. Minsk, Belarускаia Entsyklapedyia imia Petrusia Brouki Publ., 2018. 416 p. (In Russian)
- 8 Korovushkin D. G. *Ocherki etnokul'turnoi adaptatsii pozdnikh pereselentsev v Zapadnoi Sibiri* [Essays on Ethnocultural Adaptation of Late Immigrants in Western Siberia]. Novosibirsk, Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 200 p. (In Russian)
- 9 Liubimova G. V. *Ocherki istorii vzaimodeistviia sel'skogo naseleniia Sibiri s prirodnoi sredoi (na materialakh russkoi zemledel'cheskoi traditsii)* [Essays on the History of the Interaction of the Rural Population of Siberia with the Natural Environment (Based on the Russian Agricultural Tradition)]. Novosibirsk, Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 208 p. (In Russian)
- 10 Mid M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the World of Childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 429 p. (In Russian)
- 11 Molchanova L. A. *Material'naia kul'tura belorussov* [Material Culture of Belarusians]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1968. 232 p. (In Russian)
- 12 Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaia K. A. *Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zhizneobespechenie, khoziaistvennaia i sotsiokul'turnaia adaptatsiia* [Stolypinsky Migrants in the Altai District: Resettlement, Subsistence, Economic and Sociocultural Adaptation]. Barnaul, AZBUKA Publ., 2013. 348 p. (In Russian)
- 13 *Spravochnaia knizhka dlia khodokov i pereselentsev za 1909 god* [Reference Book for Walkers and Migrants for 1909]. St. Petersburg, Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1909. 112 p. (In Russian)
- 14 Fursova E. F. and other. *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury* [Belarsians in Siberia: Preservation and Transformation of Ethnic Culture]. Novosibirsk, Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 424 p. (In Russian)
- 15 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia* [Materials for Studying the Life and Language of the Russian population of the North-Western Krai]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902. Vol. 3. 535 p. (In Russian)
- 16 Shelegina O. N. Rezul'taty i perspektivy izucheniia adaptatsionnykh protsessov v kul'ture zhizneobespecheniia russkogo naseleniia Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)

- [Results and Prospects of Studying Adaptation Processes in the Culture of Subsistence of the Russian Population of Siberia (18th – Early 20th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2006, no 2 (26), pp. 116–125. (In Russian)
- 17 Shcheglova T. K. *Derevnia i krest'ianstvo Altaiskogo kraia v XX veke. Ustnaia istoriia* [The Village and Peasantry of the Altai Krai in the 20th Century. Oral History]. Barnaul, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2008. 526 p. (In Russian)
- 18 Churkin M. K. O sootnoshenii ekonomicheskikh i psikhologicheskikh prichin v priniatii reshenii o pereselenii v Sibir' krest'ian evropeiskoi Rossii v poreformennyi period [On the Ratio of Economic and Psychological Reasons in Making Decisions on the Resettlement of Peasants of European Russia in Siberia During the Reform Period]. In: *Problemy istoriografii i istorii Sibiri* [Issues of Historiography and History of Siberia]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 2002, pp. 74–79. (In Russian)
- 19 Bart F. An Anthropology of Knowledge. *Current Anthropology*, 2002, vol. 43, no 1, pp. 1–18. (In English)